

И.Н. Инишев

ХАЙДЕГГЕР И ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА*

Статья посвящена реконструкции концепции языка, разработанной в герменевтической феноменологии раннего Хайдеггера. Фоном для реконструкции служит «философия нормального языка» Витгенштейна и Остина. Герменевтическая концепция языка характеризуется как медиальная, т. е. располагающаяся за пределами двух крайних теоретических позиций в сфере философии языка: «лингвизма» и «прагматизма».

Ключевые слова: герменевтическая феноменология, философия языка, медиальность, лингвизм, прагматизм.

1. Феноменология и философия языка: диалог традиций?

В конце 34-го параграфа «Бытия и времени», посвященного тематике речи и языка в контексте вопроса об основополагающих слагаемых «разомкнутости бытия», Хайдеггер пишет: «Философское исследование должно будет отказаться от 'философии языка', чтобы спрашивать о 'самих вещах', и оно должно будет достичь состояния понятийно проясненной проблематики»¹. Сегодня мы знаем, что за несколько десятилетий до того, как этот полупринцип-полупрогноз был сформулирован, работы Фреге, Витгенштейна и Рассела заложили фундамент для развития философии, приведшего в итоге к уяснению наличия структурной взаимосвязи между проблематикой языка, анализом научных понятий и «самими вещами». Язык, который на протяжении многих столетий рассматривался в философии в качестве окказионального (и тем самым конвенционального) *средства* артикуляции и выражения восприятий и – по сути внеязыково-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант № 05–03–03389а.

го – мышления, обрел статус изначальной *среды* перцептивной и мыслительной деятельности. Со временем «поворот к языку» стал характерной чертой большинства направлений современной «постметафизической» философии. Не осталась в стороне от этой общей тенденции и философия Хайдеггера, в поздних работах которого проблематика языка становится доминирующей. В послевоенный период формируются предпосылки для взаимной рецепции аналитической и феноменологической философии: публикуются «Философские исследования» Витгенштейна и сборник статей «На пути к языку» Хайдеггера. Начиная с 1960-х гг. появляется всё больше исследований, посвященных сопоставлению концепций языка, представленных в феноменологии и аналитической философии. Имена Витгенштейна и Хайдеггера, Фреге и Гуссерля, Дэвидсона и Гадамера всё чаще упоминаются в общем контексте.

Вместе с тем сближение позиций феноменологической (соответственно, герменевтической) и аналитической трактовки языка в перспективе идеи универсальной лингвистической философии не имело и не имеет характера поступательного процесса. На сегодняшний день, как нам представляется, можно выделить различные стратегии такого сближения, варьирующиеся в зависимости от того, как именно понимается тем или иным автором феноменологическая теория языка и на какую аналитическую концепцию языка он ориентируется.

Основной отличительной чертой философского «лингвизма» в XX веке стал постулат структурного единства мира и языка. Элементы этого единства – мир и язык – обусловили вектор развития обоих философских течений. Однако в то время как аналитическая философия двигалась от языка к миру, феноменология проделала тот же путь с другого конца: от проблематики мира к проблематике речи и языка. Эта «разнонаправленность» имела далеко идущие следствия, коснувшиеся как методологической, так и содержательной стороны дела. То, как именно понималась отправная точка данного генезиса, во многом обусловило понимание его конечного пункта. Феноменологическая – медиально-трансцендентальная – концепция мира, разработанная уже в ранних трудах Хайдеггера, имплицитно содержала в себе соответствующее понимание языка, существенно отличающееся от трактовки этого феномена в философии языкового анализа. И наоборот: то, как изначально трактовался язык в аналитической философии, обусловило и характерное для нее понимание мира. «Аналитическая» стратегия обращения к проблематике мира не ведет к радикальному

пересмотру первоначального (дофилософского) представления о языке. Аналитическая философия – при всем многообразии теоретических позиций, объединяемых этим именованием – придерживается стратегии экспликации различных предпосылок языка, понимаемого в качестве «внутримирового» феномена. Феноменологическое, радикально постметафизическое понятие мира ведет и к радикально иному понятию языка, согласно которому язык обнаруживает себя лишь тогда, когда позволяет обнаружиться чему-то другому.

В этом отношении подход аналитической философии к проблематике языка отличается тематичностью и, соответственно, эксплицитностью, в то время как для подхода феноменологии, напротив, характерна перформативность и косвенность. Произшедший в феноменологической философии *тематический* сдвиг от восприятия к языку – не отправной пункт, а, напротив, заключительный этап герменевтической (соответственно, лингвистической, или медиальной) трансформации феноменологии сознания. До того, как язык стал темой (герменевтической) феноменологии, он обнаружился в роли среды феноменологических экспликаций, расположенной по эту сторону различения субъективного и объективного, сознания и мира.

Эта асимметрия сохраняется, на наш взгляд, и в том случае, когда речь идет о сопоставлении философских доктрин Витгенштейна и Хайдеггера. При всем параллелизме и даже комплементарности² их позиций в вопросах теории значения и понимания остается вопрос: способна ли прагматика «языковых игр» Витгенштейна полностью ассимилировать концепцию языка позднего Хайдеггера, ставящую акцент уже не на «прагматическом», или «коммуникативном», а на «когнитивном» измерении опыта языка. Поздний Хайдеггер – как и Гадамер – в качестве базовой формы и единицы речи рассматривает литературу, надеясь при этом способностью производить новое знание (раскрывать «истину бытия»).

Несмотря на существующие между ними различия как в первоначальных, так и в конечных представлениях о языке, ставящие под вопрос обоюдную релевантность их философских позиций, несомненной остается, по меньшей мере, «негативная продуктивность» истории взаимоотношений феноменологии (мира) и аналитической философии (языка), относительную интенсификацию которых мы наблюдаем в последнее время. Эта продуктивность заключается, по меньшей мере, в непрекращающихся усилиях по выработке общего «словаря», что является не только предпосылкой «межконфессионального» обмена, но и

И.Н. Инишев

стимулом дальнейшего «имманентного» развития двух этих постметафизических исследовательских стратегий.

В нижеследующем мы предпримем попытку «имманентной» реконструкции феноменологической концепции языка, ограничиваясь ранними лекционными курсами М. Хайдеггера. Эта реконструкция послужит предпосылкой для ответа на ряд мета-теоретических вопросов: относится ли феноменология в ее герменевтической версии к философии языка? Тожественна ли герменевтическая трансформация феноменологического трансцендентализма «лингвистическому повороту», характерному для большинства современных постметафизических философских позиций? Что означает «герменевтический поворот» для самосознания феноменологической философии? Наконец, как соотносятся феноменологическая и аналитическая концепции языка?

2. Проблематика языка в феноменологической герменевтике

2.1. *«Герменевтическая интуиция»*. «Феноменологическая герменевтика», как известно, была первым именованием философского проекта Хайдеггера, выразившим специфику предпринятой им трансформации феноменологической философии Гуссерля. Хотя впервые это выражение упоминается лишь во втором лекционном курсе, прочитанном Хайдеггером летом 1919 г.³, принципиальные основания герменевтической трансформации первоначальной феноменологической программы, ориентированной на феномен сознания, были заложены несколькими месяцами ранее: в лекционном курсе «военно-экстренного семестра»⁴, посвященном идее философии как изначальной науки. Здесь, правда, Хайдеггер говорит о «герменевтической интуиции» как подлинном феноменологическом опыте, имеющем принципиально нетеоретический, или нерефлексивный, характер. Это означает, прежде всего, что «герменевтическая интуиция» – в отличие от рефлексивной установки феноменологии сознания – тождественна первичному опыту или, по меньшей мере, как говорит Хайдеггер, «сопровождает» его. В этом отношении герменевтическая феноменология с самого начала взяла курс на преодоление дистанции между описанием и описываемым, между феноменологией и феноменами, что подразумевает помимо прочего известный «изоморфизм» – если не тождество – процесса *экспликации* феноменов и его *выражения* в языке.

Разумеется, необходимость такой трансформации самопонимания феноменологии как фундаментальной философской науки должна обосновываться самими феноменами. Первичная феноменальность сама должна обладать герменевтической структурой. Таким образом, в первых лекционных курсах Хайдеггера речь идет не столько о языке, сколько о понимании, представляющем собой форму «онтологического» опыта, недоступного объективирующим, соответственно, рефлексивным исследовательским подходам. Специфика этого опыта (его «онтологический» характер) заключается в его «медиальности»: в нем формируются предпосылки как для обнаружения «внутримировых вещей», так и для самообнаружения «субъектов». В известном смысле – это опыт без «собственника»; его структуры не могут быть локализованы ни в сфере объективного, ни в сфере субъективного. В этой связи Хайдеггер говорит о *нетеоретическом* характере «переживания окружающего мира», феноменологическая дескрипция которого составляет основную тему его первого лекционного курса. Соответственно, основная трудность, с какой столкнулся здесь Хайдеггер, – методологическая. Ее можно сформулировать следующим образом: как систематически исследовать то, что разрушается любой объективацией. Хайдеггер говорит о «перемещении в переживание»⁵ и – в завершающем параграфе лекционного текста – об «абсолютной, с самим переживанием идентичной *жизненной симпатии*»⁶, рассматриваемой им в качестве феноменологического «принципа всех принципов». Однако какое отношение эти методологические размышления имеют к проблематике языка? Ответ на этот вопрос тесно связан с прояснением того, что именно понимает Хайдеггер под феноменологическим феноменом в своем программном лекционном курсе.

Для Хайдеггера первичные феномены – это не «данное», а «значимое». Хайдеггеровская первичность «значимого» отличается от гуссерлевской первичности «данного» тем, что объединяет в себе оба аспекта: изначальность «содержания» и изначальность «данности». «Значимость» – это не свойство, основывающееся на факте данности, а изначальный способ обнаружения вещи и мира. Соответственно, «данность», с точки зрения Хайдеггера, – это не предпосылка, а дериват «значимости». В упомянутом лекционном курсе Хайдеггер поясняет этот тезис на примере восприятия кафедры⁷.

То, что на протяжении многовековой истории философии считалось подлинно непосредственным – чувственные впечатления – оказывается результатом многоступенчатой модификации

первоначального опыта, ориентированного прежде всего не на что-то вещное и материальное, а на «значимое». Мнимо непосредственное обнаружило себя как опосредованное тем, что ранний Хайдеггер называл «теоретическим». «Теоретическое» при этом не подразумевает ни какой-либо определенной теории, ни совокупности формальных черт теории вообще. Не составляет оно и противоположности «практическому». «Теоретическое» – это то, что находится по эту сторону традиционного различения теории и практики, подразумевая прежде всего объективирующую установку, неосознанность которой – парадоксальным образом – коррелирует с ее вездесущностью.

Атеоретичность «значимого», в свою очередь, позволяет прояснить и такую его – на первый взгляд парадоксальную – черту, как присущую ему одновременную максимизацию «объективного» и «субъективного». «Значимое» – это такой модус «данности» «вещи», при котором максимум «предметных содержаний» коррелирует с максимумом «индивидуальной вовлеченности» воспринимающего. При этом необходимо отметить известную гипертрофию и специфический «вектор» этих аспектов. Речь идет об «объективности», недоступной любой из наук, и о «субъективности» и индивидуальности, превосходящей любую рефлексию и любое самосознание. Соотношение воспринимаемого и воспринимающего в рамках нетеоретического переживания окружающего мира Хайдеггер описывает как «резонанс» и «отклик»: «*Мое Я* полностью покидает себя и резонирует с этим ‘видением’». И чуть ниже: «Лишь откликаясь, конкретное, собственное мое Я переживает мироокружное, мирует. И только там, где для меня мирует, и только если это случается, *я* каким-то образом целиком при этом присутствую»⁸.

Таким образом, для Хайдеггера значимое как изначальный феномен, историчное «я» и необъективируемое «переживание окружающего мира» образуют структурную связь, характеризующуюся – если можно так выразиться – максимальной плотностью. Онтологический характер описываемого Хайдеггером опыта мира парадоксальным образом *коррелирует* с его онтической полнотой (или даже «материальной» перенасыщенностью). Это обстоятельство указывает и на то, в каком направлении следует ставить и решать проблему «онтологической разницы». Движение к «онтологическому» в феноменологической герменевтике Хайдеггера тождественно движению в направлении содержательной полноты и конкретности опыта мира, которые в свою очередь подразумевают максимизацию и интенсификацию динамической взаимосвязи значимости мира, историчности вос-

принимающего «субъекта» и необъективируемости переживания. На этом фоне проблема феноменологической дескрипции выглядит по-другому. Для Хайдеггера – в отличие от Гуссерля – интуиция и дескрипция сплавляются воедино, образуя противоречивый конгломерат видения и речи, именуемый им «герменевтической интуицией».

С точки зрения Хайдеггера феноменологический опыт мира тождественен опыту коммуникативной нетеоретической речи, представляющей собой структурный элемент и стихию экста-тичной «жизненной симпатии», которая, в свою очередь, составляет часть события первичной феноменальности. При этом необходимо заметить, что это «событие» лишено всякого драматизма и экстраординарности. Напротив, оно принадлежит к определенным формам повседневного опыта, которые, правда, благодаря герменевтической оптике утрачивают ореол тривиальности. Детривиализация повседневности – один из важнейших итогов герменевтической трансформации рефлексивной феноменологии. Эта детривиализация самым непосредственным образом связана с уяснением изначальной воплощенности речи в первичной феноменальности дотеоретического жизненного мира, для которого данная воплощенность играет роль конститутивного фактора. Из постулируемой феноменологической герменевтикой инкарнированности языка проистекает вышеупомянутая взаимосвязь тематического и методического аспектов, соответственно – «исполнительный», или перформативный, характер герменевтической концепции языка, который и составляет отличительную черту феноменологически-герменевтической версии «лингвистического поворота». Остается, правда, вопрос: насколько это словосочетание адекватно отражает суть произошедших в феноменологической философии перемен. Об этом – помимо прочего – пойдет речь в дальнейшем.

2.2. «Формальное указание». В последующих лекционных курсах Хайдеггера наблюдается поступательное развитие «герменевтических» принципов, провозглашенных в «инаугурационной» лекции «военно-экстренного семестра». Следование заложенному еще Гуссерлем принципу коррелятивности характеристик феномена и способов подхода к нему ведет в конечном итоге к постепенному сплавлению экспликативного и нарративного аспектов использования языка в феноменологической герменевтике, к сплавлению (феноменологической) интуиции и (языковой) презентации. Это сплавление, однако, возможно лишь в пределах дотеоретического медиально-трансцендентального жизненного мира, специфическая сфера которого может

быть обнаружена лишь в контексте дорефлексивных повседневных практик. В этих нетеоретических практиках не только окружающие нас вещи, но и люди встречаются нам как «значимое», смысловая тотальность которого составляет изначальный модус того, что мы зовем действительностью.

Хайдеггер так характеризует онтологический статус «значимого»: «*Опыт существования* находит свое завершение и полноту в характеристике значимости»⁹. Легко видеть, что в ранних лекционных курсах Хайдеггера «онтологическая разница» разделяет не эмпирическое и трансцендентальное, а «вещное» и «значимое», понимаемые как всеобъемлющие метапарадигмы «посюстороннего» *опыта*. То, что сущее «в себе самом» включает *тенденцию* к языку, Хайдеггер фиксирует на терминологическом уровне при помощи таких словосочетаний, как «выразительная взаимосвязь» или «рельефный характер», которые он относит к *фактичности действительного опыта*. Другими словами, феномены «являются» ровно настолько, насколько они всегда уже (дотеоретически) артикулированы. Поскольку же в случае феноменологической герменевтики речь идет не только о нетеоретическом опыте первичных феноменов, но, прежде всего, о нетеоретической изначальной *науке*, возникает проблема научного *нетеоретического высказывания*, или философского понятия.

Для выражения специфической функции феноменологических понятий, сохраняющих структурную связь с нетеоретическим опытом, и, стало быть, также имеющих нетеоретический характер, Хайдеггер использует термин «формальное указание»: феноменологические понятия, будучи «формально-указующими», не выражают всеобщего. Напротив, они «вводят в конкретное»¹⁰. «Формальное указание», по выражению Хайдеггера, – это «указующее прикосновение к фактичному»¹¹. В этом отношении «философское понятие обладает структурой, несравнимой со структурой научных понятий»¹². Несмотря на то, что выражения «формальное указание» и «формально-указующий» довольно часто встречаются на страницах записей ранних лекционных курсов Хайдеггера, систематической разработке этого понятия посвящены только три коротких параграфа (§§ 11–13) в 60-м томе хайдеггеровского собрания сочинений. Воспроизведем основные положения Хайдеггера, касающиеся «формального указания».

Хайдеггер начинает с дефиниции: «Методическое употребление смысла, становящегося руководящим для феноменологической экспликации, мы называем ‘формальным указанием’»¹³. Что подразумевается под «методическим употреблением смысла»,

становится ясным, если принять во внимание то, как Хайдеггер характеризует «феномен». Феномен для Хайдеггера представляет собой «смысловую целостность»¹⁴; соответственно, феноменология понимается им как «экспликация этой целостности»: «она дает 'λόγος' феноменов, 'λόγος' в смысле 'verbum internum' (не в смысле логизации)»¹⁵. Рассматривать что-либо («как опыт, так и испытываемое») как феномен означает истолковывать его в трех аспектах:

- в аспекте того, «что» в нем изначально испытывается, т. е. «содержательного смысла» (Gehaltssinn);
- в аспекте того, «как» оно в нем изначально испытывается, т. е. «реляционного смысла» (Bezugssinn) и
- в аспекте того, «как» этот опыт исполняется, т. е. «исполнительного смысла» (Vollzugssinn)¹⁶.

Эта тройственная перспектива феноменологической экспликации выполняет прежде всего защитную, или, по выражению Хайдеггера, «прохибитивную» функцию. Эта функция состоит в предотвращении *имплицитной* объективации, осуществляющейся в научных понятиях, нацеленных на выражение всеобщности и деформирующих при этом первичные, или дотеоретические, феномены. Эта деформация – следствие того обстоятельства, что научные понятия, основывающиеся на операциях генерализации и формализации, односторонне ориентированы на содержание, скрывая перформативное измерение, или измерение исполнения. При этом формальное определение – «как раз потому, что оно является содержательно полностью индифферентным» – «оказывается роковым для реляционной и исполнительной стороны феномена», «ибо оно предписывает теоретический реляционный смысл»¹⁷.

Таким образом, теоретическая установка, разрушающая первоначальный – изоморфный нетеоретической речи – феномен, интегрирована в саму структуру научных понятий. «Односторонняя ориентация на содержание» и «сокрытие аспекта исполнения» *структурно* взаимосвязаны. Поэтому уже одно только (защитное, а следовательно, *негативное*) удержание в поле зрения вышеупомянутой взаимосвязи трех аспектов, характеризующих *в равной степени* как феноменологически релевантный феномен, так и феноменологически релевантное понятие, способно произвести *позитивный* методологический эффект. На прежде всего методологическую функцию «формального указания» указывает то, как Хайдеггер определяет в этом контексте «формальное»¹⁸.

«Формальное указание», или понятие герменевтической феноменологии – является поистине «оперативным». Оно не

столько служит выражению результатов феноменологического исследования, сколько составляет важную часть самого экспликативного метода: «Формальное указание имеет смысл лишь в отношении феноменологической экспликации». Или, другими словами, формальное указание «имеет статус приведения в действие феноменологической экспликации»¹⁹. Оно принадлежит самой *практике* феноменологического исследования, его фактическому *исполнению*. Оно словно растворяется в экспликации. В этом состоит «фамильное сходство» между нетеоретическим *языком* донаучной повседневности и нетеоретическими *понятиями* «изначально-научной» феноменологической герменевтики. Если что-то и объединяет последние с трансцендентально-феноменологическим понятийным аппаратом гуссерлевской философии, так это наличие заранее устанавливаемых «правил чтения»: в том и другом случае необходимо располагать определенными сведениями об особом способе функционирования этих понятий. Различие между понятиями Гуссерля, базирующимися на «сущностном усмотрении», и «формально-указующими» понятиями Хайдеггера состоит прежде всего в их различном отношении к интуиции, регулируемом этими «правилами». Если понятия гуссерлевской феноменологии отсылают к внеязыковой «интуиции», «выраженной» с их помощью, то «формальное указание» Хайдеггера, напротив, включает *всю* «интуитивную составляющую» в себе самой. Здесь «понятийное» и «интуитивное» сливаются, образуя нечто третье, что невозможно однозначно отнести ни к сфере понятий, ни к сфере интуитивно данного. Соответственно и проблематика феноменологической «редукции», или метода подхода к сфере изначальных феноменов, здесь не может быть отделена от проблематики понятийной фиксации, которая в свою очередь тесно связана с проблематикой необъективирующего языка и – косвенно – стиля.

Таким образом, «формальное указание» – рассмотренное с «функциональной» точки зрения – занимает своего рода промежуточную позицию между дорефлексивными речевыми *практиками* повседневности и научным *понятием*, между «интуицией» и «deskрипцией», не являясь, по сути, ни тем, ни другим.

Несмотря на свой промежуточный, или, наоборот, гибридный, характер и несмотря на всю свою «негативность», «формальное указание» способно высказать и нечто позитивное о природе языка и значения – в том числе и за пределами их методического использования. Это позитивное, на наш взгляд, заключается в двух взаимосвязанных особенностях функционирования «формального указания» как специфической языковой формы.

Во-первых, «формальное указание» не только не может быть изолировано от эксплицируемых феноменов, но и вообще не выделяется на их «фоне». Языковое и феноменальное здесь переходят друг в друга, образуя то, что Хайдеггер называет «внутренним логосом». Во-вторых, их взаимный переход и слияние подразумевают качественную трансформацию, или, выражаясь иначе, заключают в себе *когнитивный* эффект: экспликацию первоначальных феноменов. Примечательно, что нетеоретический, языковой, перформативный и истинностный аспекты «формального указания» образуют единство. Другими словами, «формальное указание» свидетельствует о том, что существуют такие формы речи, которые, будучи перформативными, соответственно включенными в нерелексивные практики, обладают, тем не менее, эминентным эпистемологическим потенциалом. При этом следует заметить, что перформативность, прагматизм и нерелексивность в случае формального указания являются «методологически культивируемыми» признаками, т. е. максимизация *нетеоретического* (исполнительного, или перформативного) характера герменевтического понятия коррелирует с максимизацией *эпистемологического* эффекта его «использования».

3. Феноменологическая герменевтика между «лингвистическим» и «прагматическим поворотом»

Опираясь на предыдущую краткую реконструкцию концепции языка раннего Хайдеггера, попытаемся теперь ответить на метатеоретические вопросы, поставленные нами в первом разделе.

1. *Относится ли феноменология в ее герменевтической версии к философии языка?* Если под «философией языка» понимать философию логического анализа теоретических высказываний, то, очевидно, феноменологическая герменевтика Хайдеггера к ней не относится. Для герменевтики язык не «дан» изолированно, как часть мира со своей уникальной структурой. Он вообще не составляет темы феноменологической герменевтики. Язык попадает в ее поле зрения лишь косвенно и опосредованно – как структурный компонент, или даже среда, изначального опыта мира. Смысл в феноменологической герменевтике – это всегда инкарнированный, или воплощенный, смысл, что означает по меньшей мере то, что «оригинальные» модусы речи характеризуются внутренне присущим им трансцендированием семантической плоскости. По выражению Гадамера: «Язык подразумевает

Другого и Другое, а не себя самого. Это означает, что сокрытие языка как языка имеет свое основание в самом языке, и оно вообще соответствует человеческому опыту языка»²⁰. С другой стороны, и в рамках «аналитической философии» языка мы находим образцы «перформативного» философствования, не анализирующего язык как нечто данное, но *указывающего* на креативный эффект языка как той среды, в которой только и формируется «данность». К числу репрезентантов этого типа философствования о языке следует отнести прежде всего уже упоминавшихся Витгенштейна и Остина.

2. *Тождественна ли герменевтическая трансформация феноменологического трансцендентализма «лингвистическому повороту»?* Начнем с другого вопроса: как понимать вышеупомянутое имманентное трансцендирование семантической плоскости языкового опыта, на котором настаивает феноменологическая герменевтика; выводит ли оно герменевтику за пределы «лингвистического поворота» к другому, например, «прагматическому повороту»? На сегодня существуют различные – зачастую противоположные – точки зрения на то, как именно следует позиционировать феноменологическую герменевтику Хайдеггера в контексте современных философских дискуссий. Например, такие авторы, как К.-О. Апель²¹, А. Вельмер²² и К. Лафонт рассматривают герменевтику Хайдеггера, включающую в себя не только его ранние лекции, но и «фундаментальную онтологию», как одну из наиболее радикальных, т. е. последовательных версий «лингвистического поворота», который заключает в себе внутренне присущую избранной парадигме проблему. Речь идет о проблеме «гипостазирования языка». Это «гипостазирование» подразумевает, помимо прочего, «редукцию способа функционирования языка вообще к его функции раскрытия мира»²³. Вследствие этой редукции, как полагают вышеназванные авторы, язык превращается во всеобъемлющую «величину», которая исключает возможность критического к ней отношения. И, более того, тематизация этой «величины» представляет собой «невыполнимую задачу», поскольку она исключает любые объективирующие подходы²⁴. Другие теоретики (в том числе К.Ф. Гетман) полагают, что феноменологическая герменевтика Хайдеггера минует «лингвистический поворот», устремляясь к другому «повороту», который было бы корректней обозначить как «прагматический»^{25,26}. Это связано с перформативным, или «исполнительным» характером (Vollzugscharakter) герменевтической концепции языка.

На наш взгляд, возможен и «третий», если не срединный, путь, благополучно минуящий как Сциллу лингвизма, так и Ха-

рибду прагматизма. Этот путь, как нам представляется, и был предначертан концептом «формального указания», являющем собой высшую точку становления герменевтической, соответственно «постгерменевтической», концепции языка в трудах раннего Хайдеггера. Параллелизм истины и языка, который здесь угадывается за моментальным превращением герменевтических понятий в изначальную феноменальность, отличается от такового в формальной, или истинностной, семантике. Истина здесь не предпосылка, а, скорее, эффект понимания языковых значений. Но не всяких, а только тех, что подобно «формальному указанию» «вводят в действие феноменологическую экспликацию». Парадокс герменевтической концепции языка состоит, правда, в том, что изначальный опыт языка возможен только как изначальный опыт мира, т. е. как опыт, который причастен событию самообнаружения феноменальности. То есть того, что не заключает в себе *явных* языковых черт. (В этом и состоит одно из оснований для введения термина «постгерменевтика»). Как впоследствии стало ясно для Хайдеггера, существуют модусы речи, которые и вне научных задач «эксплицируют» первоначальную феноменальность и при этом не являются интегральной частью специфически когнитивных усилий, как это было в первоначальном проекте герменевтической феноменологии, осознававшем себя «изначальной наукой о фактической жизни». Однако остаются сомнения, прошел ли сам Хайдеггер этот схематично очерченный путь. Возможно, «прагматизм» раннего и «лингвизм» позднего Хайдеггера, которые мы выше отвергли, имеют под собой основание. А именно: сохраняющийся как в ранних, так и в поздних работах его *дуализм* коммуникативного слова и философского понятия, или дорефлексивного исполнения и научной тематизации.

3. Что означает «герменевтический поворот» для самосознания феноменологической философии? Как бы то ни было, наша схематичная реконструкция начал герменевтической концепции языка позволяет нам выдвинуть гипотезу, согласно которой герменевтическая трансформация феноменологической философии не может быть отождествлена ни с «лингвистическим», ни с «прагматическим» поворотом в их радикальных, или наиболее последовательных, версиях. Трансцендируя семантику, герменевтика не оказывается в сфере до- или внеязыкового опыта. Тезис о внутренне присущей всему существующему тенденции к артикуляции в языке, соответственно, тезис о всегда уже имеющей место охваченности сущего языком, – пожалуй, важнейший в феноменологической герменевтике. Он основывается на идее ге-

нетического и категориального приоритета перформативной перспективы участника коммуникации по отношению к дескриптивной перспективе исследователя. Перформативная перспектива характеризуется двунаправленным трансцендированием: как самосознание «субъекта», так и осознание им «объекта» растворяются в медиуме языке, достигая при этом – как это ни парадоксально – модуса первоначальной «данности». Из этого следует, среди прочего, то, что необходимо допустить существование такого типа рациональности, который представляет собой альтернативу дискурсивной рациональности. Мы предлагаем обозначить его, соответственно, как «перформативную рациональность». Как в классической (например, у Аристотеля), так и в современной философии (например, у Витгенштейна, Хайдеггера, Остина или Гадамера) перформативная рациональность обнаруживалась под разными именами: «практическое знание» (*phronesis*), «слепое следование правилам языковой игры», «бытийное понимание» или «онтическая истолкованность», а также «интуитивное знание предпосылок успешности перформативного высказывания». Этот медиально-трансцендентальный характер первоначального опыта, а также его принципиальная нерелексивность с необходимостью ведут к трансформации институционального самосознания феноменологии, понимавшей себя первоначально не только в качестве теоретической *тематизации* этого опыта, но и в качестве его фактического *«раскрытия»*. «Постгерменевтические понятия», напротив, не объясняют условия функционирования (медиально-трансцендентального) коммуникативного слова, но лишь указывают на его – недоступные «научному», или объективирующему, понятию – «эффекты». Однако этот демонстративно-пояснительный характер присущ не только позднейшей версии герменевтической феноменологии – философской герменевтике Гадамера – но и разнообразным версиям «постаналитической философии»: например, концепциям позднего Витгенштейна, а также Райла, Остина, Куайна и Дэвидсона.

4. *Как соотносятся феноменологическая и аналитическая концепция языка?* Таким образом, сегодня у нас куда больше оснований говорить не о феноменологической и аналитической философии, а о «постфеноменологической» и «постаналитической». Обе эти линии сходятся в одной точке: в утверждении перформативного, или событийного, характера языкового коммуникативного опыта, в котором, словно в тигле алхимика, сплавляются в единое целое слово, самосознание, опыт истины и социальное действие, которые при этом не утрачивают, а, напротив, обретают свои первоначальные «качества». Комплексную

концепцию языка, отстаивающую и развивающую этот тезис, мы предложили бы именовать «постгерменевтика», или «постлингвистическая философия». Это по сути негативное именование указывает на то, что существует *возможность* философствования за пределами «лингвистического поворота», которое бы не отказывалось от его достижений, а, напротив, развивало бы их, систематически избегая двух крайностей: лингвизма и прагматизма.

Примечания

- 1 *Heidegger M. Sein und Zeit* // Heidegger M. Gesamtausgabe. Bd. 2. Frankfurt am Main, 1977. S. 221.
- 2 *Heidegger M. Phänomenologie und transzendente Wertphilosophie* // Heidegger M. Gesamtausgabe. Bd. 56/57. Frankfurt am Main, 1987.
- 3 Ibid. S. 157.
- 4 *Heidegger M. Die Idee der Philosophie und das Weltanschauungsproblem* // Heidegger M. Gesamtausgabe. Bd. 56/57. Frankfurt am Main, 1987.
- 5 Ibid. S. 70.
- 6 Ibid. S. 120.
- 7 Ibid. S. 74–75.
- 8 Ibid.
- 9 Ibid. S. 106.
- 10 *Heidegger M. Phänomenologische Interpretationen zu Aristoteles. Einführung in die phänomenologische Forschung* // Heidegger M. Gesamtausgabe. Bd. 61. Frankfurt am Main, 1994. S. 31, 33.
- 11 *Heidegger M. Phänomenologie der Anschauung und des Ausdrucks* // Heidegger M. Gesamtausgabe. Bd. 59. Frankfurt am Main, 1993. S. 85.
- 12 *Heidegger M. Einleitung in die Phänomenologie der Religion* // Heidegger M. Phänomenologie des religiösen Lebens // Heidegger M. Gesamtausgabe, Bd. 60. Frankfurt am Main, 1995. S. 85.
- 13 Ibid. S. 55.
- 14 Хайдеггер использует и такую лапидарную формулу: «Полный смысл = феномен» (*Heidegger M. Phänomenologie der Anschauung...* S. 53).
- 15 *Heidegger M. Einleitung in die Phänomenologie der Religion* // Heidegger M. Phänomenologie des religiösen Lebens. Gesamtausgabe. Bd. 60. Frankfurt am Main, 1995. S. 63.
- 16 Ibid.
- 17 Ibid.
- 18 Ibid. S. 63–64.
- 19 Ibid.

И.Н. Инишев

- ²⁰ *Gadamer H.-G.* Gesammelte Werke. Tübingen, 1999. Bd. 8. S. 432.
- ²¹ *Apel K.-O.* Sinnkonstitution und Geltungsrechtfertigung. Heidegger und das Problem der Transzendentalphilosophie // *Apel K.-O.* Auseinandersetzungen in Erprobung des transzendentalpragmatischen Ansatzes. Frankfurt am Main, 1998.
- ²² *Wellmer A.* Sprachphilosophie. Eine Vorlesung. Frankfurt am Main, 2004.
- ²³ *Lafont C.* Sprache und Welterschließung. Zur linguistischen Wende der Hermeneutik Heideggers. Frankfurt am Main, 1994. S. 19.
- ²⁴ *Ibid.* S. 145.
- ²⁵ *Gethmann C. F.* Heidegger und die Wende zur Sprache // *Gethmann C. F.* Vom Bewusstsein zum Handeln. Das phänomenologische Projekt und die Wende zur Sprache. München, 2007.